

УДК 323.2.01

Д.В. Белявцева

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОГРАНИЧЬЯ ВОСТОЧНОЙ/ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА

В статье анализируются методологические подходы к интерпретации политических процессов, происходящих в Пограничье Восточной/Центральной Европы. Автор приходит к выводу, что в современных условиях для изучения формирующихся пространственных образований классические подходы политической науки необходимо дополнять концепциями, наработанными в социогуманитарном знании, в частности концепции «места» и «сетового взаимодействия», а также контекстуальный подход. Они позволяют объяснять дуализм политических процессов, происходящих в Украине, Беларуси, Литве, и показать преимущества пограничных условий указанных стран. Исследователь сосредоточивается в первую очередь на потоках различной природы, проходящих через рассматриваемый регион. Подчеркивается, что взаимовлияние потоков создает новые пространственные конфигурации, отличные от географических. В частности, страны, расположенные на периферии центров принятия решений, активно включаются в социальную, экономическую и политическую кооперацию как с Европейским Союзом, Россией, так и между собой, что позволяет им реализовать и укрепить национальную идентичность и суверенитет.

*Мы сформированы нашим прошлым,
но с нашей выгодной позиции в настоящем
мы постоянно придаем новую форму тому
прошлому, которое формирует нас*
К. Хилл

Несовпадение темпов посткоммунистической трансформации, а зачастую и ее разнонаправленность в Украине, Беларуси, Польше и Литве (Пограничье Восточной/Центральной Европы) подталкивает исследователей к поиску новых методологических подходов к прочтению политического текста указанных стран. Следует также подчеркнуть, что уже не всегда срабатывают известные ссылки на общность исторического прошлого, ментальных карт, способов освоения пространства и т.д. В связи с этим, представляется, что перед исследователями стоят проблемы поиска конструктивных способов анализа политических процессов в указанном регионе, их рационализации, а также актуализации концепций, выработанных в смежных научных областях, в частности в политической географии, экономике. Тем более, что политические исследования производят и истолковывают информацию, имеющую выраженную пространственную, географическую составляющую. Ключевой вопрос здесь – в адекватных интерпретациях знаний о пространстве при анализе политических процессов и явлений, в поиске ориентированных на нужды политической науки методологических подходов и принципов. Однако было бы ошибочным обвинять исследователей в игнорировании географических знаний, однако, представляется, что сами эти знания нуждаются в новых коннотациях, поскольку анализировать феномен пограничья или формирующиеся трансграничные регионы, которые включают пространства национальных государств, в категориях эпохи модерна невозможно.

Необходимо заметить, что указанная проблема давно осознается мировой политической наукой. Тем не менее региональные, или (в данном контексте) пограничные, политические исследования, осуществляемые силами политологов, сравнительно молоды. Их формирование является следствием процессов специализации, фрагментации и гибридизации, которые происходят в различных областях знания и приводят к возрастанию количества субдисциплин, характеризующихся огромным творческим потенциалом. Специфика региональных политических исследований как субдисциплины заключается в том, что они вторгаются в сферы исследования различных наук: от антропологии до географии и экономики. Не составляет исключение и постсоветское пространство.

Таким образом, в рамках региональных/пограничных политических исследований актуальным представляется анализ выработанных в рамках социальных наук концепций и методологических подходов. Определенным потенциалом, в частности, обладают концепции «места» и «сетевое взаимодействие» и так называемый контекстуальный подход.

Суть последнего составляют две главные идеи. Первая идея состоит в том, что именно место как первичная ячейка политического пространства служит ареной взаимодействия процессов, протекающих на разных уровнях – от глобального до регионального. Действующие там общественные институты способствуют формированию в сознании людей определенных представлений о мире, на которые они опираются, пытаются приспособиться к внешним импульсам, исходящим от глобального, национального или регионального уровня.

Вторая идея заключается в том, что пространственное распределение политических процессов – от хода и итогов избирательных кампаний до всплесков национализма и особенностей муниципальной политики – можно объяснить эффектом места (или пространственным контекстом). Контекст – это отражение исторических, экономических и иных особенностей места и его взаимосвязей с миром (например, положения данного места в системах «центр – периферия» на разных уровнях: глобальном, национальном). Он также объясняет, каким образом пространство модифицирует политическую деятельность и, в частности, как оно опосредует воздействие более высоких территориальных уровней на региональный уровень – место.

На наш взгляд, нуждается в некотором пояснении понятие «место». В рамках региональных политических исследований под местом обычно понимается первичный уровень пространства, на котором начинают проявляться политические различия. В целом же с точки зрения масштаба территории принято выделять три уровня анализа политических процессов: локальный, государственный (национальный) и глобальный. Например, об этих уровнях говорит известный американский специалист в области региональных исследований П. Тейлор [1, с. 278]. Он считает, что локальный уровень включает чаще всего группу поселений, объединенных общими проблемами. Представляется, что, с точки зрения П. Тейлора, понятие «регион», подчеркивающее особенности модели жизнедеятельности населения на определенной территории в силу наличия ряда условий, в современных условиях как раз и описывает место.

В рамках подхода, предложенного Дж. Эгню, региональное пространство, преобразующее воздействие общенациональных факторов в соответствии с историей, социальными, экономическими, политическими особенностями и т.д., само выступает в качестве фактора, учитываемого при анализе [2, с. 129–146]. Тем не менее утверждение влияния контекста на политические процессы было бы не полным без выяснения

природы этого влияния. Р. Хакфельд и Дж. Спраг отмечали, что влияние контекста имеет информационно-сетевую природу [3–5] или, как считал М. Бернбанк, является результатом структурирования политической информации социальной средой в результате создания социальных сетей [6, с. 169].

Другими словами, современный потоковый мир постоянно усложняющихся социально-экономических отношений приобретает структуру, отличную от мира территориального. Реальность места постепенно заменяется сетевыми потоками (Э. Борт, Н. Эванс) [7, р. 9]. Эта тенденция ярко прослеживается на примере еврорегионов: их участниками являются не только субнациональные органы власти и управления, привязанные к определенной территории, но и различные профессиональные и деловые организации, образовательные учреждения и другие структуры, совокупностью своего потенциала создающие эффект сетевого взаимодействия.

Характеризуя «место», Р. Вильямс отмечал, что оно исчезло. Значение теперь имеют не поля, не горы, не деревни, а дорога. Не будет деревни как места самого по себе. Будет просто название, через которое проезжают, дома вдоль дороги. И там мы будем жить. Именно вдоль дороги. Иными словами, территория в прежнем своем понимании «заканчивается», понятие «место» обретает новый смысл. Идет локальная реорганизация пространства, реорганизация, суть которой в превращении мира выстроенных вдоль одномерной шкалы – от «развитых» до «отсталых» – мест в мир неповторимых пространственных ситуаций, образованных наложением глобальных потоков на местные/региональные особенности. Идет погружение «мира потоков» в «миры мест», сопровождающееся «истончением» (Р. Сэк), но не исчезновением, последних. Эти сдвиги со своей стороны вызывают реакцию – местную/региональную социально-политическую мобилизацию, формы которой ориентированы на логику развития конкретного места.

Последствия глобальной перестройки и местная локально-ориентированная среда переплетаются, накладываются друг на друга; влияние глобальных процессов опосредуется локальными/региональными факторами. Прекрасное подтверждение сказанному (и важное свидетельство размывания традиционной территориальности) видится в появлении «регионов-государств», пространственно локализованных зон массивованных инвестиций, пересекающих национальные границы, логистических центров. Формирование новых трансграничных регионов на основе общих ценностей и смыслов приводит к возникновению так называемого «community of a-security», или «non-war community», – таких сообществ, которые цементируются не наличием внешних угроз и взаимозависимостью, стирающей грань между «своими и чужими», или пограничья.

Таким образом, изменяется угол зрения на происходящие в рамках определенных территорий политические процессы. Он предполагает изучение не только «мира мест», но и «мира потоков». В этом смысле особый интерес представляет проект, «дорога» Пограничья Восточной/Центральной Европы, где постепенно выстраивается система отношений, основанная не только на принципе общей идентичности и общей территориальности, но и общности потоков, которые не «истончают» места, а, скорее, их усиливают.

Интересны в этом смысле показатели торговых контактов Беларуси с Украиной, Польшей, Литвой и Россией, в частности, данные экспорта и импорта. Несмотря на известные ссылки на общность ценностей и ментальных традиций, экспорт за 2004–2010 гг. в отношении с Россией упал с 47 % от общего объема до 36,8 %, а импорт с 68,2 % до 50,1 % соответственно. Некоторая неопределенность, существовавшая в

отношениях с Украиной, не помешала вырасти объему экспорта с 3,9 % до 8,9 %, а импорта с 3,3 % до 4,7 %. Сложности в отношениях с Польшей и Литвой тем не менее не способствовали падению анализируемых показателей. Еще более интересным выглядит тот факт, что в целом упал объем торговли с СНГ (экспорт с 53,1 % до 40 %, импорт с 72,2 % до 58,9 %), но сохранился с ЕС (экспорт за анализируемый период от 36,7 % до 36,2 %, импорт от 19,8 % до 18,2 %) [8]. То есть, несмотря на жесткость в отношении Беларуси, ЕС и даже США продолжают наращивать экономическое сотрудничество с Беларусью. Например, на территории Брестской области развивается итальянский промышленный округ с целью создания максимально благоприятных условий для привлечения инвестиций и реализации проектов на территории Беларуси. Кроме того, на уровне двусторонних отношений прорабатываются и уже находятся в стадии реализации проекты снижения стоимости виз и упрощения процедуры их получения для граждан Беларуси, Литвы и Польши, проживающих на приграничных территориях.

Таким образом, Пограничье Восточной/Центральной Европы выстраивается в том числе и взаимозависимостью общей территориальности, «миром потоков».

С точки зрения «мира потоков», на наш взгляд, следует оценивать и предлагаемые или уже осуществляемые проекты по строительству газопроводов Россией и Украиной совместно с другими странами по дну Балтийского и Черного морей, а также совместные логистические проекты между Литвой, Украиной и Беларусью. Именно попытка создать новые сетевые потоки и в последствии их контролировать подталкивают страны к подобным действиям. В любом случае «мир мест» в рамках данной территориальности постепенно замещается «миром потоков».

Интерес к подобного рода проектам обусловлен сущностью «мира потоков», проходящих через пограничье. Здесь конструируются особые зоны притяжения и напряжения, создается наибольшее число международных организаций, начинается бум институционального строительства, реализуется огромное количество проектов обустройства пограничья, что делает его, по сути, мостом, «контактным пространством». Важным в этой связи представляется уже не только, кто участвует в создании и контролирует эту «дорогу», «мир потоков», и насколько они соответствуют скрытому потенциалу пограничья, а также тот факт, где оно локализовано.

Таким образом, пограничье может содействовать укреплению границ в буквальном смысле слова, и строительству национальных государств, поддержанию национальной идентичности, поскольку создается оппозирующими политическими силами на стратегически значимом для них пространстве. Особенно это характерно для периферийных территорий, поскольку их будущее заключается в выборе между политической неопределенностью или потенциальными конфликтами. И в этом контексте пограничья пространственный фактор не только не исчезает, а наоборот усиливается. Похоже «исчезнувшая» территориальность возвращается. Иными словами, своеобразие (непохожесть) пространственных ситуаций и сама неравномерность территориального развития становится одним из важнейших ключей к адекватному анализу политических процессов любого масштаба.

Например, Пограничье Восточной/Центральной Европы, удаленное от глобальных центров принятия политических решений будет избегать превращения в социально-культурную и политическую периферию. Отсюда вполне объяснима двойственная позиция лидеров многих постсоветских республик (в частности, Украины, Литвы, Беларуси), которая выражается в стремлении использовать свое

«стыковочное» положение для извлечения тех или иных выгод то от России, то от Европы. Пограничье превращается во вполне территориально локализованную зону соприкосновения различных политических сил, «мир потоков» конкурирующих центров принятия политических решений.

Таким образом, складывающиеся новые пространственные конфигурации между странами отличны от географических. Более того, они отражают не только сущность основных проблем, стоящих между различными государствами, но и позволяют сделать менее заметными различия между ними. Подобная роль новых пространственных конфигураций никак не позволяет нам вольно обращаться с территориальным контекстом политического процесса и подталкивает к обновлению методологических подходов его анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колосов, В.А. Геополитика и политическая география : учеб. для вузов /А.В. Колосов, Н.С. Мироненко. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 479 с.
2. Agnew, J. Mapping politics: how context counts in electoral geography / J. Agnew // Political Geography. – 1996. – Vol. 15. – № 2. – P. 129–146.
3. Huckfeldt, R. Choice, social structure, and political information: The informational coercion of minorities / R. Huckfeldt, J. Sprague, // American Journal of Political Science. – 1988. – Vol. 32. – P. 467–482.
4. Huckfeldt, R. Citizens, contexts, and politics / R. Huckfeldt, J. Sprague // Political science: The state of the discipline II / Ed. by A. Finifter. – Washington (D.C.) : American Political Science Association, 1993. – P. 281–304.
5. Huckfeldt, R. Networks in context: The social flow of political information / R. Huckfeldt, J. Sprague, // The American Political Science Review. – 1987. – Vol. 93. – P. 1197–1216.
6. Burnbank, M.J. How do Contextual Effects Work? Developing a Theoretical Model / M.J. Burnbank // Spatial and Contextual Models in Political Research / Ed. M. Eagles, L. Taylor. – London, 1995. – P. 169.
7. Bort, E. Networking Europe: Understanding the Union From Below / E. Bort, N. Evans // Networking Europe. Essays on Regionalism and Social Democracy. Ed. by E. Bort, N. Evans. – Liverpool : University Press, 2000. – P. 30–55.
8. Беларусь в цифрах. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/fttrade1.php/>. – Дата доступа : 15.06.2008.

Beliavtseva D.V. Political Analysis of Border Zone of Eastern/Central Europe: Methodological Problems of Conceptualization of Space

Methodological approaches to interpretation of modern political processes occurring in Eastern/Central Europe are analyzed in the article. The author makes the conclusion, that in modern conditions in order to study the forming spatial formations it is necessary to add the concepts, created in socio-humanitarian knowledge, in particular the contextual approach, concepts of «place» and «network interaction». They allow to explain a duality of political processes occurring in mentioned region, and also to show advantages of boundary conditions of the given countries. The researcher concentrates, first of all, on the streams of the various nature passing through the interesting region. But this stream essence of regions creates new spatial configurations distinct from geographical. In particular, the countries which are on periphery of the world centers of making of political decisions join in active social, economic and political cooperation both with the European Union, and with Russia that allows them to realize and strengthen the national identity and independence.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 02.09.09